
Павел Парфенов
Место для ошибки - история одной ноты. Повесть

Павел Парфенов

Место для ошибки - история одной ноты. Повесть

«Автор»
2026

Парфенов П. В.

Место для ошибки - история одной ноты. Повесть /
П. В. Парфенов — «Автор», 2026

Когда мир начинает рассыпаться на фальшивые ноты, спасти его может только тот, кто не боится звучать неидеально.Павел и Суламита оказываются на перекрёстке параллельных вселенных, где каждый сбой — трещина в реальности, а каждая ошибка — место, куда можно встать, чтобы удержать такт. Вместе с двойниками и другими парами они учатся не стирать неудобное, а вплетать его в общий звук — ведь только так тишина не станет вечной.Музыкальная мистика о том, что сила — не в совершенстве, а в умении держать ритм, когда всё вокруг сбивается. О том, что даже сбившись с такта, можно держать мир. И что там, где звучит «я здесь», всегда есть место для ошибки.

© Парфенов П. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 6
Глава первая. Туман 7
Глава вторая. Медиатор 8
Глава третья. Дом, но не тот 9
Глава четвёртая. Мост 10
Глава пятая. Игра 11
Глава шестая. Громче тишины 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Павел Парфенов
Место для ошибки - история одной ноты. Повесть

МЕСТО ДЛЯ ОШИБКИ
История одной ноты
повесть
Парфёнов Павел Валериевич
Сыктывкар — 2026

Аннотация

Когда мир начинает рассыпаться на фальшивые ноты, спасти его может только тот, кто не боится звучать неидеально.

Павел и Суламита оказываются на перекрёстке параллельных вселенных, где каждый сбой — трещина в реальности, а каждая ошибка — место, куда можно встать, чтобы удержать такт. Вместе с двойниками и другими парами они учатся не стирать неудобное, а вплетать его в общий звук — ведь только так тишина не станет вечной.

Музыкальная мистика о том, что сила — не в совершенстве, а в умении держать ритм, когда всё вокруг сбивается. О том, что даже сбившись с такта, можно держать мир. И что там, где звучит «я здесь», всегда есть место для ошибки.

Глава первая. Туман

«Струна натягивается не для того, чтобы не порваться, — а для того, чтобы кто-то дёрнулся к ней первым».

Павел не спал всю ночь, записывая свои композиции в FL Studio в квартире у Суламиты — с которой его не случайно свела судьба. Они были похожи: одинаковые музыкальные и религиозные вкусы, оба творческие, оба понимали друг друга с полуслова. Суламите приснился пятый сон — странный, туманный, который она не могла вспомнить, но который оставил в ней странное, тихое ожидание. Павел докуривал последнюю сигарету — одно его пристрастие — и смотрел в окно. Время было за полночь, и он разбудил Суламиту: сходить в магазин, сигарет больше нет, еды тоже почти нет, а есть хотелось сильно.

Они потихоньку оделись и вышли. Месяц — середина ноября, пасмурно, холодно, и над всем городом поднялся туман: не видать ни зги даже с десяти метров. Туман пронзал до мозга костей, и тишина стояла такая, что было слышно, как внутри всё сжимается. Даже машины не ездили — лишь мерцало оранжевым вдали фонарного столба.

Суламите стало не по себе. «Паш, пойдём-ка домой, что-то мне это всё не нравится, — сказала она, и голос её был ровный, но спокойный ровный, как у человека, который держится, потому что иначе нельзя. — Странно как-то всё это. Город будто вымер. Даже собак не слышно, не говоря уже о воронах, которые всегда каркают».

«Один туман вокруг», — сказал Павел, но шаг их всё равно ускорился.

Кое-как дошли до подъезда — а дверь его была открыта нараспашку. «Суламита, мы же закрывали дверь?» — «Закрывали. Ну, пойдём». Внутри на первом этаже, где они жили, двери не было. Вообще. Сплошная стена — как будто её никогда и не было. На этаже только две квартиры друг напротив друга, а по центру — гладкая стена, и туман на улице уже менял цвет на салатово-зелёный.

«Во дела! — удивился Павел. — Где мы вообще?»

«Что-то недоброе произошло, Паш, точно тебе говорю. Мы, походу, попали в одну из параллельных вселенных. Вот тебе и ночной туман, который уже зелёный вовсю. И что теперь делать? Обними меня, мне страшно».

«А мне наоборот интересно, — сказал Павел, обнимая её. — Тут у каждого есть свой двойник, астральный родственник. Я такое во снах частенько видел. И у нас тоже. Надо их отыскать, причём срочно».

И Павел с Суламитой отправились на поиски своих двойников сквозь непроходимые дебри салатового тумана.

Глава вторая. Медиатор

«То, что ведёт нас, порой выглядит как железка. Пока не станет тёплым».

На мокром асфальте, прямо посреди пустынной улицы, лежал старый гитарный медиатор — чёрный, с облупившейся надписью, которую Павел не мог разобрать. Он поднял его, и пальцы обожгло холодом, будто металл только что вытащили из морозилки.

«Это мой», — сказал он, хотя никогда такого не видел.

Суламита побледнела. «Ты уверен? Ты же всегда берёшь красные».

Павел сжал медиатор в кулаке. «Значит, это от моего двойника. И он где-то рядом».

И тут медиатор вдруг стал едва заметно теплеть — будто в нём хранилось чьё-то недавнее тепло. «Он как компас», — прошептал Павел, не столько Суламите, сколько себе, чтобы унять дрожь. Она только крепче вцепилась в его рукав: «Паш, ну какой компас, это просто железка. Давай вернёмся, пока туман не стал ещё гуще». Но туман уже не просто густел — он переливался от салатового к тускло-фиолетовому, и тишина в нём звучала не пустотой, а ожиданием.

И из этой тишины вынырнул звук — знакомый до мурашек мотив. Тот самый, что Павел записывал ночью в FL Studio. Только в одном такте была ошибка — та самая, которую он сам не мог исправить уже который месяц: лишний удар, будто кто-то нарочно вставил лишнюю долю.

«Это не я», — тихо сказал Павел.

«Значит… там кто-то есть?» — голос Суламиты дрожал, но рука её не дрожала. Она пошла рядом с ним шаг в шаг, не отставая и не перегоняя, — как шла всегда, во всех его неудачах и полуночах.

Глава третья. Дом, но не тот

«Стена говорит не „стой“. Она говорит: „прислушайся“».

Медиатор тянул влево, как будто был намагничен. Павел пошёл туда, и туман перед ними расступался — нехотя, открывая улицу, которую они узнавали и не узнавали одновременно. Тот же двор, та же лавка у подъезда, те же деревья — но на двери подъезда висела другая цифра. А на окнах их квартиры — чужие занавески, плотные, тёмно-синие, не такие, как их лёгкие бежевые.

«Это наш дом… но не наш», — прошептала Суламита.

Павел толкнул дверь подъезда. Она поддалась с тихим, почти виноватым скрипом. Внутри было темно, не пахло ни пылью, ни сыростью — пахло ничем, как будто пространство решило стереть все запахи. А там, где должен был быть их этаж и их дверь, стояла ровная стена — не старая, не облупившаяся, а будто её только что выстроили из гладкого, холодного камня. Никакой двери. Никаких цифр. Никаких следов того, что здесь когда-то жили люди.

Медиатор в руке Павла резко дёрнулся — короткий живой импульс — и затих.

«Он был здесь, — тихо сказал Павел. — Мой двойник был здесь. И он ушёл. А эта стена говорит: „Ты не туда пришёл“».

«Тогда не надо нам тут быть, — сказала Суламита, и голос её стал твёрже, будто страх наконец нашёл опору. — Если он ушёл, значит, он оставил след где-то ещё».

И в тот миг, когда Павел переступил порог, из глубины подъезда донёсся звук. Не музыка. Не голос. Как будто кто-то провёл пальцем по струне, но не до ноты — до тишины. И следом — тихий сухой щелчок, будто закрылась ещё одна дверь, которую они не видели.

«Слышишь?» — прошептала Суламита.

«Слышу. И знаешь, что самое странное? Мне кажется, я уже слышал этот звук. Во сне».

«Я тоже, — вдруг сказала она, и в голосе её не было ни капли колебания, только та самая ровная решимость, с которой она много лет вставала по утрам, когда весь мир на неё не обещал. — Этот звук. Как будто струну тянут до тишины. Я слышала его во сне, Паш. Не раз. Мне снилось, что я стою на длинном мосту из белого тумана, и где-то за ним кто-то играет на гитаре — но не играет, а как будто вспоминает игру. Я всегда просыпалась на этом месте и молчала. Боялась, что ты решишь, будто я с ума сошла».

«Суламита. Я слышал тот же самый звук. В том же самом сне».

«На мосту?»

«На мосту».

Туман медленно колыхался вокруг, и качели во дворе покачнулись — сами, без ветра, на пару сантиметров, и снова замерли. Павел вспомнил: не просто сон — вечность снов, нанизанных одна на другую, как бусины. Во сне он шёл по такому мосту и знал, что по нему идут двое: он сам и кто-то, кто дышит его дыханием, живёт его жизнью — но в мире, где всё чуть-чуть не так. И он всегда просыпался в тот момент, когда этот «кто-то» поворачивал голову.

«Дальше пойдём вместе, — сказал Павел, и его рука сама нашла её руку. — Если там мой двойник, то твой тоже где-то рядом. Они же пара. Как мы».

Глава четвёртая. Мост

«Мост — это не дерево над бездной. Это пауза, в которой кто-то слышит: „я тут“».

Мост проявился из тумана не сразу. Сначала — белая полоса под ногами, потом перила, сотканные из той же мглы, плотные на вид, но тёплые на ощупь, как ладонь, которую давно не разжимал. Мост уходил вперёд, в белый свет, ровный и терпеливый. Под ним не было ни земли, ни бездны.

И по мосту, навстречу, шли двое.

Они были похожи на них — не как копия, а как родня, которую ты никогда не видел: та же осанка, тот же наклон головы. Тот, кто шёл справа, поднимал голову точно так, как Суламита — чуть вбок, будто прислушиваясь. Когда между ними осталось шагов двадцать, тот, кто был похож на Павла, поднял руку — и в его пальцах блеснул такой же чёрный медиатор.

«Он у меня тоже, — произнёс он голосом, в котором Павел услышал собственный тембр, только чуть другой, будто записанный на старую плёнку. — И он привёл меня сюда той же ночью. Только в моей вселенной туман был синий».

Суламитин двойник улыбнулся — и Суламита сама, не заметив, ответила той же улыбкой, слово в слово совпавшей.

«Меня зовут Пал, — сказал двойник. — И нам надо поговорить. Не нам четверым. Нам всем».

«Всем — это кому?»

Пал поднял глаза вверх и вбок. И туман над мостом начал расступаться — слой за слоем. А за слоями были мосты. Десятки, сотни, уходящие во все стороны лучами, и по каждому шли фигуры — парами. Все похожие на кого-то: на Павлов и Суламит из сотен разных вселенных, где туман был синим, оранжевым, чёрным, а кто-то видел не туман, а снег или дождь.

Мост, на котором они стояли, был не дорогой. Он был перекрёстком.

«Мы собираемся там, где сходятся все мосты, — сказал Пал. — Так было не всегда. Так началось недавно — а точнее, начнётся. Время тут тоже не совсем как у вас. У каждого из нас в своём мире что-то начало сбиваться. Двери не там. Стены там, где их не строили. Туман не того цвета. Это не случайность, Павел. Это первые трещины. И если мы не решим, что с ними делать, трещины дойдут до каждой вселенной».

И тогда туман над перекрёстком начал вибрировать — как воздух вокруг струны, по которой только что ударили. И пришёл Голос.

Он не прозвучал словами — он пришёл аккордом. Глубоким, низким, будто кто-то взял на басовой гитаре ноту, которую нельзя сыграть в обычной комнате: слишком большую, слишком древнюю. А поверх неё легла мелодия — та самая, которую Павел всю жизнь пытался записать и никогда не мог закончить. Только здесь она звучала идеально. Без ошибки.

«Я собираю вас не для того, чтобы вы смотрели, — сказал Голос, и слова шли не как речь, а как продолжение музыки. — Я собираю вас, чтобы вы звучали. Каждый из вас — нота. Каждый мир — такт. И если ноты будут молчать, такт собьётся. А если такт собьётся, тишина станет вечной».

«Кто ты?» — выкрикнул Павел, и его голос показался ему крошечным на фоне огромного аккорда.

Голос выдержал паузу — ту, в которой звук не исчезает, а уходит внутрь.

«Я — тот, кто помнит, когда вы все были одним звуком. И я помню, когда этот звук начал распадаться. Вы — осколки. И вы должны снова собраться. Не в теле — в ритме. В согласии. И тогда трещины закроются».

Глава пятая. Игра

«Ошибка — не враг. Ошибка — это место, где такт ищет вторую ноту».

Пары встали на перекрёстке. И Голос дал такт.

Это было не звучание, а ощущение — глубокий, медленный толчок, от которого мягко качнулось всё: туман, мосты, свет под ногами. Раз. Пауза. Раз. Пауза.

И пары начали играть. Кто-то запел на языке, которого Павел не знал, но в мелодии не было ни одного чужого звука. Кто-то застучал каблуками по мосту. Кто-то просто дышал в такт, и дыхание сотен людей слилось в единый низкий шум, похожий на прибой. Пал достал гитару — она материализовалась из тумана, будто всегда там ждала, — и заиграл ту мелодию. Без ошибки. А его Суламита, Сал, положила руки на плечи своей пары и закрыла глаза — она не пела и не играла, она просто держала его, и от этого держания такт выравнивался сам собой.

Павел поднял глаза на Суламиту, и она поняла без слов: его очередь. Он начал напевать — сначала тихо, потом громче. Мелодия шла, росла, вливалась в общий звук, и на мгновение Павел почувствовал то, чего не чувствовал никогда: что он — нота. Не человек, играющий ноту, а сама нота, вставшая на своё место в бесконечном такте.

И тогда пришла первая фальшивая нота.

Она врезалась в общий звук, как стекло о камень. Резкий, ломкий, дребезжащий звук вылез из тумана сбоку — из трещины, которой секунду назад не было. Двое на дальнем мосту запнулись, сбились, и их линия надорвалась. Туман вокруг них потемнел и пошёл рябью.

Вторая фальшивая нота ударила ближе. Третья — совсем рядом. Павел почувствовал, как его собственная мелодия начала ёкать — в том самом такте, где он всегда сбивался. Рука дрогнула, голос сорвался, и медиатор обожгло ладонь — не теплом, а колкостью.

«Паш!» — крикнула Суламита.

Но он уже почти не слышал её. Фальшивые ноты наседали со всех сторон, и каждая звучала как его собственная ошибка. «Ты не сможешь. Ты всегда сбиваешься. Ты всегда всё портишь», — говорил каждый дребезжащий звук. И Павел понял: это не звуки. Это голоса. Трещины в мире говорят его же страхом.

И тогда Суламита сделала то, чего не делал никто.

Она шагнула вплотную к нему, встала лицом — и вместо того, чтобы петь или кричать, начала хлопать. Медленно. Ровно. Две ладони — раз. Пауза. Две ладони — раз. Не мелодия, не слова — просто ритм. Тот самый, на котором Павел сбивался. И она не сбивалась. Ни на одну долю. Потому что у неё не было той ошибки — она держала такт так, как держит маяк: не светит навстречу, а просто горит.

Она не была самой талантливой на этом перекрёстке. Не пела так, как поющие. Не играла так, как играющие. Но на всём перекрёстке — на сотнях мостов, среди всех пар всех вселенных — только она не сбивалась ни разу. Ни в этой ночи, ни в той, где был пятый сон, ни в самой первой, когда молодой Павел в первый раз пришёл к ней и играл неважно, а она слушала так, будто важно. Это и была её сила: не гениальность, а постоянство. Умение стоять ровно, когда все вокруг шатаются.

«Иди на мои руки, — сказала она тихо, но так, что он услышал сквозь весь хаос. — Не на свою мелодию. На мои руки».

И Павел пошёл. Он перестал бороться со своей ошибкой — и вместо этого стал играть поверх неё, как будто ошибка была не провалом, а местом, где можно передохнуть и взять новый вдох. Мелодия пошла дальше. Чисто. Ровно. Медиатор в его руке дрогнул и выстрелил вверх тёплым импульсом — как струна, которую наконец настроили.

Фальшивые ноты дрогнули. Самый громкий дребезжащий звук зашипел и пошёл на убыль, как радио, которое закручивают на ноль. По всем мостам звук выравнивался: сотни

голосов, стуков, дыханий снова слились в одно. Трещина на дальнем мосту затянулась — как замерзающая вода: медленно, кристалл за кристаллом.

Голос прозвучал ещё раз — тихо, почти лично:

«Ты понял. Ошибка — не враг. Ошибка — это место, где такт ищет вторую ноту. Тебе нужна была та, кто держит ритм, пока ты падаешь. Теперь вы знаете, как звучит ваш такт. Запомните его. Он понадобится не один раз».

Туман вокруг перекрёстка начал расходиться — но не весь, будто давая передышку. Пал опустил гитару и посмотрел на Павла долгим взглядом — взглядом человека, который только что увидел, как его собственная жизнь звучит из чужих уст, и звучит правильно.

«Ещё не конец, — сказал он. — Ты понимаешь, что это только первая нота?»

Павел кивнул. Он сжимал медиатор, и тот ещё держал в себе тепло.

«Знаю, — сказал он. — Но теперь у нас есть ритм».

И Суламита взяла его за руку — ту самую руку, с медиатором, — и её хватка была ровной и спокойной, как всегда. Как будет завтра. И послезавтра. И во всех вселенных сразу.

Глава шестая. Громче тишины

«Тишина бывает той, что давит, и той, что даёт место».

Туман темнел не постепенно, а рывками — как будто кто-то дёргал рубильник в невидимой комнате. Мосты мерцали, будто свет на них был не светом, а памятью о свете. На дальних перекрёстках пары начали опускаться на колени, на туман, на пустоту — кто-то просто закрывал лицо руками, кто-то шептал что-то, чего не было слышно сквозь нарастающий гул. Фальшивые ноты теперь не били поодиночке — они собирались в хор, и этот хор не просил, он требовал: «Сбрось такт. Сбрось. Ты не сможешь».

Павел видел, как Пал стискивает гриф гитары, будто хотел выдавить из неё звук силой. Но сила тут не работала. Сила только заставляла струны звенеть вразнобой, и от этого трещины в тумане становились глубже.

Суламита не стала ничего говорить. Она просто шагнула вперёд — туда, где туман был плотнее, где гул давил сильнее, — и начала топать. Не в такт, не по нотам, а тяжело, прямо в эту плотную мглу, будто вбивала сваи, чтобы мосты не рассыпались. Раз. Пауза. Раз. И каждый удар отдавался не только в воздухе — он отдавался в груди Павла, как напоминание: «Ты стоишь. Ты здесь».

Он понял. Не мелодия сейчас нужна. Не попытка быть идеальным. Нужна стена. Плотная, тяжёлая, которая не пытается звучать красиво, а просто занимает пространство, чтобы другим было за что держаться.

Павел взял гитару — ту самую, что материализовалась из тумана, — и вместо привычных аккордов начал играть бас. Низкие, плотные ноты, которые не пели, а дышали. Он не смотрел на пальцы. Он смотрел на Суламиту: на её ровные, тяжёлые удары, на то, как она не сбивалась ни на долю, как будто внутри неё был свой собственный метроном, и он никогда не ломался.

Пал понял его мысль. Он опустил гитару и начал отбивать ритм ладонью по деке — глухой, твёрдый звук, который не пытался быть музыкой, а был просто опорой. И вместе они начали строить стену: бас Павла, удар Пал по деке, топот Суламиты. Три разных звука, три разных темпа — но в какой-то момент они нашли общую точку, где всё это слилось не в мелодию, а в щит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.